

Милана Седина
Юнона Стангард

МОЙ ХОККЕИСТ

— Русский лёд —

Юнона Стангард

Мой хоккеист. Русский лёд

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой хоккеист. Русский лёд / Ю. Стангард — «Автор», «Автор», 2026

Я приехала в Архангельск, чтобы защитить хоккеистов от северного мороза, — и сама едва не замёрзла у ворот стадиона. Из сугроба меня вынес Тимофей Березин, поморский богатырь и игрок команды по хоккею с мячом «Северный шквал». Он решил, что питерской учёной здесь не место. Я намерена доказать обратное. После предательства жениха я доверяю только своим исследованиям. Но рядом с Тимофеем даже полярная ночь становится горячей, а обещание «никому в обиду не дам» звучит слишком соблазнительно. Пока мы спорим и учимся доверять друг другу, столичный чиновник пытается закрыть стадион и уничтожить клуб. Теперь на кону не только моя работа и его родной лёд, но и сердце, которое я поклялась больше никому не отдавать.

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой хоккеист. Русский лёд

Мой хоккеист. Русский лёд
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

Старая «Волга» с натужным воем затормозила у обледенелых ворот стадиона «Труд». Водитель — пожилой помор в засаленном ватнике — даже не заглушил мотор. Он обернулся ко мне сквозь клубы махорочного дыма:

— Дальше не сунусь, дочка, перемело по брюхо. Вон за елями цокольный вход в подтрибунье, метров сто пешком. Ты гляди, не зевай: на дворе тридцать пять с гаком, да с Белого моря низовик сечет в двадцать метров. Лицо прихватит — моргнуть не успеешь.

Я толкнула примерзшую дверцу. Архангельский мороз не просто встретил — он вонзился в меня сотней каленых игл. Городской пуховик, казавшийся в Петербурге верхом надежности, мгновенно остекленел, превратившись в ломкую жесткую скорлупу.

Я шагнула на обледенелый наст. В правой руке был зажат дюралевый кейс — мой мобильный криогенный термоконтейнер с опломбированным кодовым замком. Внутри, в ячейках из вспененного каучука, лежала экспериментальная партия липидной эмульсии «Полярный щит», результат четырех лет бессонных ночей на кафедре фармакологии.

Первый же шквальный удар ветра с Северной Двины буквально выбил воздух из легких и сбил меня с ног. Ноги в тонких городских сапогах скользнули по голой наледи. Я не удержалась и тяжело рухнула на колени. Кейс вырвало из онемевших пальцев, и он со звонким скрежетом заскользил по насту к глубокому сугробу.

Паники не было — сработал рефлекс исследователя. Я метнулась вперед, накрыла тяжелый металлический чемодан грудью и вжалась в ледяную корку всем телом. Перчатки промокли и моментально одеревенели. Дрожащими пальцами я смахнула иней с контрольного глазка термометра на крышке кейса: контрольная ампула стандартного аптечного физраствора во внешнем отсеке уже лопнула от перепада температур — сквозь смотровое стекло белели иглы мертвого льда. Но ампулы с полярными липидами выдержали.

Городская фармакология гибла здесь за две минуты. Если поврежденный термочехол не удержит холод, формула распадется на бесполезный осадок.

Я с трудом отстегнула внешний термочехол кейса и прижала его к себе, прикрывая крышку полый пуховика. Флаконы оставались в закрытых ячейках, но мне хотелось заслонить от ветра даже металл. Грудь обожгло стужей, но сердце билось упрямо и ровно.

Подняться в полный рост не удавалось: ветер пригибал к земле, кружа белую крупу плотной стеной. Я попыталась сделать глубокий вдох сквозь натянутый на нос шерстяной шарф, чтобы выровнять дыхание.

Это была грубейшая ошибка. Влага от дыхания мгновенно превратила шерсть в герметичный ледяной панцирь. Ткань намертво прилипла к губам, перекрыв кислород. Я дернула шарф вниз, и в открытую гортань ворвался тридцатипятиградусный полярный шквал.

Острый холод полоснул по рецепторам трахеи. Связки свело мгновенным рефлекторным спазмом — ларингоспазм запер дыхательное горло, словно стальной засов. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. В ушах загудел тяжелый медный колокол, перед глазами поплыли темные круги.

Я осела в сугроб у бетонного парапета, лихорадочно нащупывая во внешнем кармане портативный ингалятор. Негнувшимися пальцами поднесла баллончик ко рту и нажала на клапан. Бесполезно: пластиковый дозатор промерз насквозь и заклинил намертво. Сознание начало гаснуть в белом кружении метели.

И в этот миг сквозь вой бурана донесся тяжелый, мерный скрип наста. Словно к парапету шагал не человек, а ледакол.

Сквозь мутную пелену слезящихся глаз я различила колоссальную фигуру. Человек шел сквозь буран, не пригибаясь. На нем был настезь распахнут тяжелый овчинный поморский

тулуп, из-под которого виднелся лишь выцветший свитер с огромной вывязанной девяткой. Без шапки — густая копна темно-русых волос побелела от инея, а из-под бровей смотрели серые, как штормовой лед, глаза.

Гигант опустился на колено прямо в сугроб передо мной. Снег под его тяжестью хрустнул, как раздавленный брус.

От нехватки кислорода мной овладел панический морок: показалось, что надо мной склонился дикий зверь. Я слабо ударила кулачками в его широченную каменную грудь. Удар пришелся словно в просмоленную корабельную лиственницу — он даже не шелохнулся.

— Тихо, барышня, — раздался низкий, рокочущий бас, перекрывший ветер. — Не коло- тись. Дыши носом, не рви глотку на ветру.

Его рука — втрое шире моей — мягко перехватила оба моих запястья. Мужчина зубами сдернул с правой руки крагу, обнажая широкую загрубевшую ладонь, и прижал ее прямо к моему открытому горлу, накрывая яремную вырезку и ключицы.

От его ладони исходил сумасшедший жар настоящей русской печи — колоссальный биологический термогенез тренированного северного богатыря. Одним движением он подхватил меня на руки вместе с кейсом. Полы его овчинного тулупа сомкнулись вокруг меня, отсекая вой урагана. Меня обдало густым ароматом сосновой смолы, дегтя, чистого пота и раскаленного тела. Спазм гортани дрогнул. Я сделала первый хриплый вдох, уткнувшись лицом в колючую шерсть его свитера.

Мужчина понес меня к зданию.

Служебный вход встретил нас глухой стальной дверью. Ее перекосило от мороза, а снизу подпирал гребень намерзшего за ночь льда. Ручка не поддавалась. Великан даже не поставил меня на снег: перехватил левой рукой, развернулся и с коротким поморским выдохом впечатал правое плечо в железную панель.

Оглушительно хрустнул лед, засов с мясом вырвало из пазов, и створка распахнулась. Мы ввалились в теплый цокольный тамбур.

Но встретил нас не вахтер. Посреди тамбура стоял поджарый мужчина в темно-синем кашемировом пальто с норковым воротником и начищенных туфлях в каучуковых галошах, держа в руках тисненую кожаную папку с золотым гербом Федерации. Его рыбы глаза презрительно сощурились.

— Березин? — процедил столичный вице-президент Геннадий Зимин. — Ты ломаешь казенные двери за час до инспекции? Это повод для немедленного снятия арены с чемпионата. И кого ты волочешь в служебную зону?

Великан даже не сбавил шаг. Он прошел мимо чиновника, лишь слегка двинув плечом. Зимины отбросило к стене, мазнув норковый воротник побелкой.

— Отойди, Зимин, не путайся под ногами, — глухо бросил Березин. — У меня человек в сугробе замерзал. А двери твои косые я после тренировки сам топором обтешу.

Он пронес меня по коридору и опустил на широкую дубовую скамью возле гудящей батареи.

Я попыталась немедленно встать к кейсу, но ноги свело судорогой — колени подло подогнулись. Тимофей властно опустил тяжелую ладонь мне на плечо:

— Сиди смирно. Ноги отойдут через пять минут.

Он достал из кармана тулупа закопченный термос, налил в крышку темно-рубинового дымящегося отвара и поднес к моим губам:

— Пей до капли. Брусника на меду со зверобоем. Старые поморы еще так ледоваров после смены отпаивали.

Огненный кислый настой обжег пищевод и ударил в грудь целительным жаром. Капилляры раскрылись, щеки запылали, спазм трахеи окончательно отпустил.

Тимофей оперся руками о колени, разглядывая меня сверху вниз со снисходительным сочувствием:

— И кто тебя, питерская пигалица, в такую круговерть погнал? Синяя вся, как подснежник. Сиди здесь, сейчас вызову санитарку со скорой, отвезут в гостиницу, отоспишься у калорифера. Не женское это дело — по сорокаградусным штормам ползать.

Я поставила стаканчик на скамью, выпрямила спину и посмотрела прямо в его серые глаза.

— Меня зовут Василина Андреевна Мельникова. Я кандидат фармацевтических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории криобиологии. И в гостиницу я не поеду.

— Вот как? — усмехнулся он. — И чего же ты хочешь, кандидат наук?

— Я приехала защитить легкие вашей команды. Назначение и заключение лаборатории лежат в кейсе. Через час у вас контрольная игра при минус тридцати пяти. Если игроки выйдут на поле без липидного барьера, трое закончат матч с токсической обструкцией, а у тебя лично, Березин, откажет плечо на первом же замахе клюшкой.

Тимофей нахмурился, веселье с его лица слетело:

— С чего бы это моему плечу отказывать?

— Ты держишь шею с наклоном вправо ровно на четыре градуса, — спокойно ответила я, глядя на его трапецию. — Правое надплечье приподнято, левая лопатка уведена вниз. У тебя застарелая контрактура трапециевидной мышцы после разрыва связок ключицы, которую ты скрываешь от врача. На морозе спазмированная мускулатура потеряет эластичность за десять минут. Ты не поднимешь клюшку выше пояса.

Березин замер. В коридоре повисла тишина, нарушаемая лишь шипением радиаторов. Великан смотрел на меня так, словно я заглянула ему прямо под ребра.

— Откуда знаешь про ключицу? — глухо спросил он.

— Я вижу биомеханику тела, Березин. Это моя профессия. А теперь помоги открыть кейс. Замок обледенел.

Тимофей шумно выдохнул, опустился перед чемоданом на корточки, обхватил кодовый замок ладонями и начал мерно дышать горячим паром на стальные колесики. Через полминуты лед сошел каплями воды, и его сильные пальцы ловко провернули защелки.

Крышка откинулась. Во вспененном каучуке ровными рядами лежали флаконы из темного стекла с лаконичной надписью: «Полярный щит». Эмульсия сохранила идеальную коллоидную текучесть.

Тимофей провел пальцем по склянке и поднял на меня потемневший взгляд:

— Пошли, доктор Мельникова. Раздевалка ждет.

Глава 2

В раздевалке «Северного шквала» стоял густой мужской дух: едкий пот, мокрая коньковая юфть, скипидарная растирка и березовый деготь, которым на Севере испокон веков смолдили клюшки. Двадцать два рослых хоккеиста в защитных доспехах сидели на лавках. Гул голосов и лязг коньков оборвались, едва я переступила порог вслед за Тимофеем.

По рядам прокатился язвительный смешок. Бородатый защитник демонстративно сплюнул в цинковое ведро:

— О как! Березин себе снегурочку из Питера выписал! Барышня, шейпинг-зал через дорогу!

— Нам на лед в минус тридцать пять выходить, мужики, а нам маникюрщицу привели! — заржали в углу.

Я молча поставила металлический кейс на массажный стол и откинула крышку.

Тимофей шагнул вперед. Лицо его окаменело. Он поднял тяжелую клюшку и со страшной силой впечатал крюк в дощатый настил пола. Раздался оглушительный треск, словно выстрелил карабин; доска под клюшкой раскололась.

— Пасты захлопнули! — рывкнул Березин так, что зазвенели плафоны. — Сели и слушаем доктора! Кто вякнет — лично борт головой проломит на раскатке.

Хоккеисты мгновенно подобались. Авторитет вице-капитана здесь держался на чистой силе.

Из тренерской вышел коренастый седой старик в синем спортивном костюме с надписью «СССР» — главный тренер Федор Панкратович («Панкратыч»). Он подошел к столу и ткнул мозолистым пальцем в мои склянки:

— Это что за фокусы, Тимофей? У меня через полчаса на трибуну садится инспекция Федерации. Мазать парней столичной химией я не позволю. Забирай свои мензурки, дочка, и шагай на трибуну.

Договорить он не успел.

Дверь из шлюза раскатки с грохотом распахнулась. В коридор ввалился девятнадцатилетний нападающий Степан Лузин. Парень рухнул вперед, роняя клюшку на бетон. Лицо его было пепельно-серым, губы отливали мертвенной синевой. Он скрюченными пальцами раздирает ворот свитера на шее, издавая жуткий лающий хрип. Воздух не проходил в легкие.

— Степка! — заорал тренер.

Из медпункта выскочил старый фельдшер Савельев со склянкой спирта и облаткой эуфиллина:

— Холодовый приступ! Сейчас таблетку под язык вдавлю! Разжимай зубы, паря! Степан забился в конвульсиях, его глаза закатились.

— Назад! — закричала я, сбивая таблетку из пальцев фельдшера хлестким ударом. — При тотальном ларингоспазме таблетка перекроет гортань и вызовет мгновенную асфиксию!

— Да как ты смеешь, соплячка! — взвизгнул Савельев. — Я сорок лет на льду фельдшерю!

Тимофей мгновенно шагнул вперед, впечатывая старика ладонью в стену:

— Ша, дед! Не мешай ей!

Березин подхватил обмякшего Степана на руки и уложил на массажный стол. Гипоксическая кома наваливалась стремительно, зрачки расширились, пульс зашкаливал за двести.

Я сдернула колпачок с флакона «Полярного щита», щедро плеснула янтарно-белую эмульсию на ладони, быстро согрела и опустила над лицом парня. Мои пальцы легли на крылья его носа, подчелюстную зону и яремную вырезку.

— Степа, слышишь меня? — властно проговорила я прямо в его ухо. — Выдыхай остатки в мои пальцы. Толчком!

Я резко нажала большими пальцами на триггерные нейрорефлекторные точки у основания трапеций. Биохимический каскад сработал безукоризненно: терпены и полярные липиды проникли через эпидермис, блокируя холодовые TRPM8-рецепторы тройничного и блуждающего нервов. Мышцы гортани перестали получать импульс смертельного холода, и спазм разорвался.

Степан дернулся и со свистящим всхлипом втянул воздух. Грудь парня поднялась, синева с губ стремительно отступила. Он открыл глаза, но тут же испуганно забился, хватаясь за сердце от панической тахикардии:

— Я... задыхаюсь...

— Тихо, мальчик мой, — я железно прижала его плечи к столу, заглядывая прямо в зрачки. — Смотри на меня. Вдох на три счета, выдох на четыре. Я держу тебя. Ты дышишь.

Через сорок секунд дыхание выровнялось, пульс опустился до стабильных восьмидесяти. Степан провел ладонью по лицу и хрипло, потрясенно прошептал:

— Воздух... Он теплый, Василина Андреевна. Пахнет хвоей... как будто я в бане.

В раздевалке повисла благоговейная тишина.

Мы с Савельевым оставили Степана под наблюдением в тепле. Через полчаса Панкратыч заглянул в медпункт; фельдшер послушал грудь парня старым стетоскопом и кивнул. Панкратыч подозрительно прищурился:

— Чисто? Тогда отвечай прямо, доктор: что ты ему втерла? Психостимуляторы? Эфедрин? Если найдут запрещенную химию — команду снимут с чемпионата!

Вместо слов я достала из кармана тест-картридж WADA на шестьдесят групп допинга, провела ватной палочкой по щеке Степана и вывела тренера в подтрибунный тоннель под фонарь. Через тридцать секунд контрольная полоска окрасилась ровным зеленым светом.

— Ноль, — показала я прибор. — Чистый природный липидный протектор. Оксигенация крови — девяносто девять процентов.

Старый тренер долго смотрел на индикатор, потом стянул шапку, провел рукой по седому ежику и сокрушенно вздохнул:

— Прости, дочка. Старый дурак я стал. Ты парню жизнь спасла.

Мы вернулись к выходу на поле. Тимофей Березин подошел ко мне вплотную, протягивая флакон:

— Покажи, как надо, доктор. Я первый.

Я набрала немного крема на пальцы, согрела и коснулась лица богатыря. Его кожа была обжигающе горячей, пахнувшей ветром и смолой. Я аккуратно растерла эмульсию по его скулам, переносице, по шее у бьющейся сонной артерии. Он стоял не шевелясь, шумно втягивая воздух сквозь зубы и глядя прямо в мои глаза темнеющим, пристальным взглядом. На его горячем лице крем превратился в невидимую эластичную хвойно-восковую пленку.

— Всё, — шепнула я, убирая руки. Кончики пальцев покалывало от его жара.

— Мужики! — крикнул Березин. — Мажемся все до единого! Доктор идет с нами к тренерскому борту!

Очередь из двадцати рослых хоккеистов выстроилась ко мне без единого слова.

* * *

Пока команда раскатывалась на поле, я вернулась в медбокс стадиона, чтобы проверить коллоидную стабильность второй контрольной партии на центрифуге.

В кабинете пахло карболкой, сушеной пижмой и камфорой. Фельдшер Савельев угрюмо протирал спиртом мензурку. Стоило мне сделать шаг к старенькой центрифуге, как старик вскочил, заслоняя прибор спиной:

— Не положено! Аппаратура на балансе спорткомитета, посторонним руки совать не дам!

Я спокойно села напротив него, глядя прямо в воспаленные глаза:

— Федор Савельевич, давайте начистоту. Я видела, как дрожали ваши руки, когда вы держали Степана. Вы боялись за мальчишку как за внука. Вы сорок лет на льду и сами знаете: таблетка на таком холоде не успевает за спазмом. Если бы дали эуфиллин, парень задохнулся бы у вас на руках.

Савельев вздрогнул. Рука с тряпкой опустилась, желчь в глазах сменилась горьким пониманием:

— Знаю... Все я знаю, дочка. Сам видел, как мужики кровью харкали после матчей на ветру. Да чем помочь, коли из Москвы шлют лишь аспирин?

Я подошла к шкафу в углу, достала темную аптекарскую склянку с верхней полки и осторожно вдохнула:

— Пихта сибирская, багульник болотный и живица лиственницы даурской. Экстракция холодным льняным маслом при температуре не выше сорока градусов. Концентрация терпенов около двенадцати процентов. Идеальная фракция для стабилизации липидов. Сами собирали?

У Савельева отвисла челюсть:

— По запаху разложила?

— Я химик, Федор Савельевич. И вижу, что вы искали то же самое, что и я.

Старик полез в ящик стола и выложил пожелтевшую кардиограмму:

— А ну-ка, ученая голова. Что здесь? Столичный профессор три года назад парня списал — инфаркт, говорит.

Я взглянула на ленту:

— Никакого инфаркта. Это обратимая холодовая гипертрофия правого желудочка — «северное легочное сердце». Ответ миокарда на колоссальное сопротивление сосудов при

вдохе сухого мороза на скорости сорок километров в час. Лечится щелочными теплыми ингаляциями и терпеновыми адаптогенами за два месяца.

Савельев с размаху грохнул кулаком по столу:

— Вот! Я тому индюку слово в слово так орал, а он мне: «Учебник закрой, дед!». Ты первая, кто правду увидел!

Лед растаял. Старик возбужденно зашептал:

— Ты липидный щит варишь? Так ведь обычная смола на морозе колом встает, кристаллизуется!

— В том и беда, — ответила я. — Нужна реликтовая смола с особым изомерным составом кислот.

— Есть такая! С верховьев Мезени, с вековых лиственниц, дед на бересте собирал. Чистейшая, сырая, дикая смола! Но густая, как деготь, на морозе в камень встает. Как ее в эмульсию загнать — тридцать лет бьюсь, ума не приложу.

Я взяла стеклянную палочку, подцепила каплю смолы и на рецептурном бланке набросала расчет:

— Если провести экстракцию без открытого огня на стабильной песчаной бане при температуре ровно пятьдесят восемь градусов на слое кварцевого песка, живица свяжется с липидами без денатурации. Это пока гипотеза, теория, но на песчаной бане она должна сработать.

Савельев благоговейно смотрел на записи, но дверь распахнулась без стука. В комнату вошел молодой секретарь дирекции стадиона в дубленке и шлепнул на стол конверт со штампом фирмы Зимина:

— Распишись, дед. Готовый акт о проведении Мельниковой незаконного эксперимента над Лузиным. Подпишешь для прокуратуры — в конверте аванс на новую баню.

Я сжала пальцы, но промолчала.

Савельев вскрыл конверт, вытащил пачку пятидесятирублевых купюр и лист доноса. Прочел три строчки. Лицо его налилось багровой краской. Он встал во весь рост, резким движением разорвал донос пополам, скомкал деньги в кулаке и со всей силы швырнул эту кашу прямо в лицо секретарю:

— Вон отсюда, щенок! Передай своему Зимину: поморы отродясь своими людьми и совестью не торговали! Вон пошел, пока хребет костылем не перешиб!

Секретарь, побледнев от ужаса, подхватил деньги и выскочил вон.

Савельев тяжело перевел дух, открыл потайной сейф под кушеткой и достал массивную полулитровую банку темного стекла с тяжелой притертой пробкой. Внутри плескалась густая смолянистая масса мезенской живицы.

— Забирай, дочка. Здесь пол-литра. На стадионе ты ее не сваришь — сторит. Езжай на загородную базу, на «Поморский берег». Там у Дяди Миши в подвале сложена кирпичная печь с кварцевой песчаной ванной. Он один в области знает, как эту сырую смолу ласково прогреть, чтобы не убить силу.

В дверях бесшумно выросла громадная фигура Тимофея в тренировочной куртке. Савельев подошел к богатырю и хлопнул по плечу:

— Слышь, Березин. Девку эту береги пуще глаза. Обидишь — лично клюшкой перепояшу, понял?

Тимофей посмотрел на меня с такой сокрушительной нежностью в серых глазах, что сердце екнуло.

— Не обижу, дед. Скорее сам под лед уйду.

Глава 3

Я стояла у тренерского борта открытой арены «Труд», сжимая электронный планшет. Зрелище завораживало: гигантское ледовое зеркало сто пять на шестьдесят пять метров, залитое речной двинской водой. Над полем бушевал тридцатипятиградусный мороз, мачты освещения пробивали полярную мглу, выхватывая клубы пара. На длинных норвежских лезвиях игроки неслись со скоростью за сорок километров в час против шквала в двадцать метров в секунду.

Панкратыч дал свисток к началу двусторонки.

Первые два круга команда шла осторожно, боясь вдохнуть полной грудью. Тимофей Березин понял это мгновенно. Он играл за «красных». С глухим рыком богатырь взорвал лед лезвиями, пролетел через все поле, заложил крутой вираж у борта и заорал во всю мощь поморских легких:

— Дышится чисто! Держит мазь! Вперед, мужики! Лед наш!

Команда взревела, скорости взлетели до предела, оранжевый литой мяч засвистел надолдом.

Через пять минут Степан Лузин подхватил мяч на правом фланге. Защитник «белых» жестко встретил его корпусом у борта. Раздался треск щитков, Степан потерял равновесие и кубарем покатился по ледяному насту, врезавшись в ограждение.

Мое сердце оборвалось: падение спиной на тридцатиградусный лед грозило спазмом диафрагмы. Но парень спружинил на локтях, вскочил на коньки, подхватил отскочивший мяч и весело крикнул тренеру:

— Играем! Грудь не жжет!

Я глянула на экран планшета: закрепленный перед выходом датчик Степана выдавал ровную зеленую кривую, сатурация держалась на девяносто восьми процентах. Парень дышал свободно и после падения; к счастью, оно обошлось без травмы.

— Какая прелесть, — раздался за спиной ядовитый голос Зимина. Чиновник подошел к борту с личным оператором и электронным термометром. — Фиксируйте: минус тридцать пять и две десятых, ветер девятнадцать метров. Прямая угроза жизни спортсменов. Распишитесь в акте, гражданка Мельникова. Тренировка останавливается, арена консервируется, клуб снимается с розыгрыша.

Я не шелохнулась. Достала из кармана цифровой спиромер и крикнула к борту:

— Артем, на пять секунд! На весь объем легких, резко в мундштук!

Огромный защитник затормозил, обдав ботинки Зимина снежной крошкой, и с ревом выдохнул в трубку. Прибор тонко пискнул.

Я развернула светящийся дисплей прямо в объектив камеры Зимина:

— Фиксируйте крупным планом. Жизненная емкость легких после двадцати минут предельной нагрузки при минус тридцати пяти — сто восемнадцать процентов от нормы. Сатурация — девяносто девять процентов. Обморожений ноль. Замеры и условия записаны, господин вице-президент. Попробуете сфальсифицировать акт — видео ляжет в Следственный комитет и министру спорта вместе с заявлением о рейдерском срыве соревнований.

Зимин побледнел, зашипел от бессильной ярости и почти бегом бросился прочь со стадиона.

— Ай да доктор! — рявкнул Панкратыч, хлопнув рукавицами.

А на льду разворачивалась кульминация. Тимофей Березин подхватил мяч на своей половине и пошел в сольный прорыв — один против четверых. Это была сокрушительная мощь: на колоссальной скорости он заложил дугу под углом в сорок пять градусов ко льду. Лезвия взрезали наст, и трехметровый шлейф искрящейся ледяной пыли накрыл наш бортик.

Я не отступила и не закрыла глаз. Сквозь вихрь кристаллов наши взгляды скрестились на долю секунды — неукротимая мужская сила и абсолютная вера друг в друга.

Перед воротами Тимофей качнул вратаря резким ложным замахом и хлестким, стелющимся щелчком вогнал оранжевый шар низом, впритирку со штангой, так что ледяная крошка со звоном брызнула о стойку ворот.

Свисток Панкратыча возвестил о победе.

Березин затормозил у моего борта. От его торса валил густой пар, дыхание было мощным, но абсолютно чистым.

Я опустила взгляд на свои руки: тонкие перчатки промокли, пальцы, сжимавшие металлический планшет, побелели от холода.

Тимофей заметил это тотчас. Он сорвал крагу и своей огромной, раскаленной ладонью накрыл мои окоченевшие пальцы. Огненная волна живого мужского жара пробила ткань, прокатилась по предплечью и горячим толчком отозвалась в сердце. Я вздрогнула, но руку не отняла.

Тимофей смотрел на меня сверху вниз с открытым, беззащитным восхищением:

— Твоя броня держит, Василина. Ни один мужик не захрипел. Ты победила этот мороз. К борту подъехал Панкратыч:

— В городе оставаться нельзя, Зимин покоя не даст. Березин! Забирай вещи доктора, грузи лабораторию в клубный микроавтобус. С этой минуты штаб базируется на «Поморском берегу». Там сосновый бор, печь и баня. Там и будем готовиться к полуфиналу.

* * *

Через полчаса мы стояли у служебного выхода. Буран за стенами завывал с новой силой.

Тимофей лично вынес мой тяжелый термоконтейнер и дорожную сумку. Банка с драгоценной сырой смолой, завернутая в шарф, покоилась на самом верху. Он бережно опустил ящики в салон полноприводного микроавтобуса, повернулся и подал мне руку:

— Садись в тепло, Василина. Дорога на базу дальняя, сквозь тайгу вдоль Двины. Но печь там уже топят. Отогреем тебя по-настоящему.

Я шагнула в салон, глядя сквозь заиндевевшее стекло на огни Архангельска. Впереди лежала темная полярная ночь, речной лед и неизвестность. Но страха больше не было. Рядом сидел человек, чье плечо могло закрыть от любого урагана.

Клубный полноприводный микроавтобус вынырнул из глухой прибрежной тайги и замер на высоком обрыве над Северной Двиной. За стеклом, в густой темноте полярного вечера, мерцали огни загородной базы «Поморский берег». Двухэтажный бревенчатый терем из мореной лиственницы стоял в окружении столетних сосен, сгибавшихся под шапками тяжелого снега. Из широкой кирпичной трубы в морозное небо валил березовый дым, пахнувший смолой и домашним уютом.

На термометре за бортом было ровно минус тридцать.

Я вышла в морозную тьму, держа в руках легкий чемоданчик с лабораторной посудой. На руках были обычные вязаные городские перчатки, а тонкие подошвы кожаных сапожек, едва коснувшись наката, моментально превратились в ледяные подковы.

Стремясь не показаться обузой, я шагнула на крутые ступени бревенчатого крыльца. Но дерево покрывала предательская наледь от замерзшего пара. Подошва резко сорвалась, чемо-

данчик вылетел из руки, и я со взмахом рук полетела спиной назад, прямо на острые гранитные валуны отмостки.

Вскрикнуть я не успела. Шедший следом Тимофей швырнул тяжелые хоккейные баулы в снег и длинным кошачьим броском вынес корпус вперед. Его мощная правая рука намертво перехватила меня поперек талии в полуметре от камней, а левая на лету сгребла падающий чемоданчик.

Меня со всего маху впечатало в его широченную каменную грудь. Сквозь тулуп я ощутила ровный, размеренный гул его сердца и пьянящий мужской жар, пахнувший тайгой, овчиной и прокаленным ветром.

— Тише, доктор, — раздался над моим ухом низкий грудной голос. — Не торопись разбиться о поморский гранит.

В теплом коридоре я попыталась встать на ноги, но промерзшие ступни отозвались нестерпимой, колющей болью. Колени подогнулись, и я едва не осела на пол.

Тимофей не стал слушать моих сбивчивых уверений, что все прошло. Он молча подхватил меня под колени, пронес через холл и бережно опустил в широкое дубовое кресло перед пылающим камином в гостиной. Великан опустился передо мной на одно колено прямо на дощатый пол, бережно обхватил мою щиколотку широкой ладонью и расстегнул обледеневшую молнию сапога.

Стянув промерзшую обувь и чулки, он завернул мои побелевшие, оцепеневшие ступни в сухое вафельное полотенце и согревал их своими горячими ладонями, не растирая побелевшую кожу.

— Тимофей, перестань... ты же вице-капитан, тебе отдыхать нужно, — пробормотала я, заливаясь краской от смущения.

— Сиди смирно, Василина, — мягко оборвал он, не отрывая взгляда от моих ног. — Врач без ног — не боец. А у тебя пальцы белые, как снег.

Его ладони излучали целебный, обжигающий жар. Боль медленно таяла, сменяясь сладким покалыванием возвращающейся крови. Затем Тимофей повернулся к плетеному коробу у камина, достал пару высоких белоснежных валенок из мягкой чесаной шерсти, украшенных вышитым красной нитью поморским солярным узором, и осторожно надел их на мои согретые ноги.

— Носи, доктор. В этих краях на первом венце пол студит. А у полузащитника глаз точный — с размером не промахнулся.

Идиллию нарушил резкий металлический стук на веранде. Дверь распахнулась от сквозняка, бросив в коридор струю пара. Тимофей мгновенно подобрался, взял у камина тяжелую кочергу и вышел в сени.

Через минуту он вернулся. Лицо его потемнело.

— Что там? — тихо спросила я.

— Засов сорван. Стальную дужку подпилили ножовкой по металлу, аккуратно, чтобы ветром дожало. А на насте под окном — следы армейского рифленого протектора. Не наши.

Зиминские ищейки уже нашли базу. Тимофей задвинул тяжелый дубовый засов, набросил кованую цепь и негромко скомандовал дежурному игроку:

— Усилить караул у реки и ворот. Смену через каждые два часа.

Но в гостиной уже звенели миски. Повариха тетя Марфа внесла пузатый чугунок с янтарной ухой из стерляди и белорыбицы, а старый ледовар Дядя Миша грохнул передо мной резную деревянную ложку:

— На Севере перед тарелкой не думают, дочка! Хлебай, пока пар идет!

Горячий наваристый бульон с перцем и пышная поморская шаньга разогнали остатки дорожной усталости. Когда я попыталась помочь убрать посуду, Тимофей мягко взял меня за плечи и развернул к бревенчатой лестнице:

— Отдыхай, Василина. Завтра тяжелый день. На этой базе есть кому за тебя встать.

На площадке второго этажа внезапно моргнула и погасла лампочка — генератор дал перебой. В темноте коридора я на миг оступилась, но снизу уже бесшумно взбежал Тимофей. Чиркнула спичка, и стекло старинной керосиновой лампы в его руке озарилось теплым янтарным огнем. В этом трепетном свете наши тени на бревенчатой стене слились в одну. Он протянул мне лампу, заглянув в глаза:

— Держи огонь. Здесь стены лиственничные, спать будешь спокойно. Спокойной ночи, Василина.

Глава 4

Утро началось с можжевельной бани на самом берегу речной протоки. Сруб из векового кедра гудел от жара, чугунная каменка раскалилась до вишневого свечения.

После трехкилометрового кросса по целине распаренные хоккеисты шумно ввалились в предбанник и с гиканьем приготовились сигать прямо в ледяную купель, вырубленную в речном льду при тридцатиградусном морозе.

— Стоять! — я перегородила дверь, расставив руки. — Никакой проруби! После предельной аэробной нагрузки перепад температуры в девяносто градусов вызовет коронарный спазм и микроразрывы легочных капилляров! На полки, немедленно!

Парни зароптали, но я взяла деревянный ковш с заранее приготовленным авторским настоем багульника, чабреца и шишек реликтовой лиственницы и выплеснула его на раскаленные гранитные валуны.

Баню наполнил сухой, тончайший хвойный аэрозоль. Мужики замерли, шумно втягивая целебный пар широкими ноздрями. Тяжесть в легких мгновенно уступила место кристальной чистоте дыхания. Вся команда послушно расселась по полкам.

Осмотрев игроков и сняв остаточный кашель у Степана Лузина точечным массажем гор-тани, я вышла в моечное отделение приготовить ингалятор для вице-капитана.

Дверь парилки со скрипом отворилась, и в клубах белого пара возник Тимофей.

Он был обернут по бедрам широким льняным холстом. Его колоссальный двухметровый торс лоснился от горячей влаги, рельефные мышцы груди и стальной пресс вздымались от глубокого дыхания. От его раскаленной кожи поднимался видимый густой пар. На секунду я застыла, забыв, как дышать, перед этой первозданной мужской мощью.

Тимофей заметил мое оцепенение. В серых глазах вспыхнули лукавые искры:

— Ну что, доктор... Будешь меня лечить? Или побоишься обжечься?

Я попыталась сохранить профессиональное спокойствие, потянулась за флаконом с пихтовым концентратом, но влажные от волнения пальцы дрогнули. Стекланный пузырек выскользнул и полетел на кафельный пол.

Тимофей среагировал мгновенно: перехватил склянку в пяти сантиметрах от плитки, а второй горячей, мокрой ладонью накрыл мои дрожащие пальцы.

Между нами словно проскочил электрический разряд. Раскаленная влага его кожи обожгла меня до сладкой дрожи. Он не разжал руки, придвинувшись ближе, и медленно поднес кончики моих пальцев, пахнущие хвоей, к своим губам. Его взгляд потемнел, став почти черным:

— Ты пахнешь тайгой, Василина.

В предбаннике загрохотали шаги возвращающихся защитников. Я с тихим вздохом высвободила ладонь:

— Тимофей... здесь ребята. Нельзя.

Он набросил на мокрые плечи овчинный тулуп и распахнул дверь на открытую террасу, прямо под свистящий тридцатиградусный ветер. Я в тревоге выскочила следом:

— Березин, ты с ума сошел! Застегни тулуп, замерзнешь!

Тимофей обернулся, распахнул широкие полы овчины, шагнул ко мне и укутал меня вместе с собой в единый кокон из меха и собственного тела:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.